

Сказка Г.Х. Андерсена " Пятеро из одного стручка "

В стручке сидело пять горошин; сами они были зеленые, стручок тоже зеленый, ну, они и думали, что и весь мир зеленый; так и должно было быть! Стручок рос, росли и горошины; они приравнивались к помещению и сидели все в ряд. Солнышко освещало и пригревало стручок, дождик поливал его, и он делался все чище, прозрачнее; горошинам было хорошо и уютно, светло днем и темно ночью, как и следует. Они все росли да росли и все больше и больше думали, сидя в стручке, – что-нибудь да надо же было делать!

– Век, что ли, сидеть нам тут? – говорили они. – Как бы нам не зачерстветь от такого сидения!.. А сдается нам, есть что-то и за нашим стручком! Уж такое у нас предчувствие!

Прошло несколько недель; горошины пожелтели, стручок тоже пожелтел.

– Весь мир желтеет! – сказали они, и кто ж бы им помешал говорить так?

Вдруг они почувствовали сильный толчок: стручок был сорван человеческой рукой и сунут в карман, к другим стручкам.

– Ну, вот теперь скоро нас выпустят на волю! – сказали горошины и стали ждать.

– А хотелось бы мне знать, кто из нас пойдет дальше всех! – сказала самая маленькая. – Впрочем, скоро увидим!

– Будь что будет! – сказала самая большая.

– Крак! – стручок лопнул, и все пять горошин выкатились на яркое солнце. Они лежали на детской ладони; маленький мальчик разглядывал их и говорил, что они как раз пригодятся ему для стрельбы из бузиновой трубочки. И вот одна горошина уже очутилась в трубочке, мальчик дунул, и она вылетела.

– Лечу, лечу, куда хочу! Лови, кто может! – закричала она, и след ее простыл.

– А я полечу прямо на солнце; вот настоящий-то стручок! Как раз по мне! – сказала другая. Простыл и ее след.

– А мы куда придем, там и заснем! – сказали две следующие. – Но мы таки до чего-нибудь докатимся! – Они и правда прокатились по полу, прежде чем попасть в бузиновую трубочку, но все-таки попали в нее. – Мы дальше всех пойдем!

– Будь что будет! – сказала последняя, взлетела вверх, попала на старую деревянную крышу и закатилась в щель как раз под окошком чердачной каморки.

В щели был мох и рыхлая земля, мох укрыл горошину; так она и осталась там, скрытая, но не забытая господом богом.

– Будь что будет! – говорила она.

А в каморке жила бедная женщина. Она ходила на поденную работу: чистила печи, пилила дрова, словом исполняла всякую тяжелую работу; сил у нее было довольно, охоты работать тоже не занимать, но из нужды она все-таки не выбивалась! Дома оставалась у нее ее единственная дочка, подросток. Она была такая худенькая, тщедушная; целый год уж лежала в постели: не жила и не умирала.

– Она уйдет к сестренке, – говорила мать. – У меня ведь их две было. Тяжеленько было мне кормить двоих; ну, вот господь бог и поделил со мною заботу, взял одну к себе! Другую-то мне хотелось бы сохранить, да он, видно, не хочет разлучать сестер!

Но больная девочка все не умирала; терпеливо, смиренно лежала она день-деньской в постели, пока мать была на работе.

Дело было весной, рано утром, перед самым уходом матери на работу. Солнышко светило через маленькое окошечко прямо на пол, и больная девочка посмотрела в оконце.

– Что это там зеленеет за окном? Так и колышется от ветра!

Мать подошла к окну и приотворила его.

– Ишь ты! – сказала она. – Да это горошинка пустила ростки! И как она пошла сюда в щель? Ну, вот у тебя теперь будет свой садик!

Придвинув кровать поближе к окну, чтобы девочка могла полюбоваться зеленым ростком, мать ушла на работу.

– Мама, я думаю, что поправлюсь! – сказала девочка вечером. – Солнышко сегодня так пригрело меня. Горошинка, видишь, как славно растет на солнышке? Я тоже поправлюсь, начну вставать и выйду на солнышко.

– Дай-то бог! – сказала мать, но не верила, что это сбудется.

Однако она подперла зеленый росток, подбодривший девочку, небольшою палочкой, чтобы он не сломался от ветра; потом взяла тоненькую веревочку и один конец ее прикрепила к крыше, а другой привязала к верхнему краю оконной рамы. За эту веревочку побеги горошины могли цепляться, когда станут подрастать. Так и вышло: побеги заметно росли и ползли вверх по веревочке.

– Смотри-ка, да она скоро зацветет! – сказала женщина однажды утром и с этой минуты тоже стала надеяться и верить, что больная девочка ее поправится.

Ей припомнилось, что девочка в последнее время говорила как будто живет, по утрам сама приподнималась на постели и долго сидела, любясь своим садиком, где росла одна-единственная горошина, а как блестели при этом ее глазки! Через неделю больная в первый раз встала с постели на целый час. Как счастлива она была посидеть на солнышке! Окошко было отворено, а за окном покачивался распустившийся бело-розовый цветок. Девочка высунулась в окошко и нежно поцеловала тонкие лепестки. День этот был для нее настоящим праздником.

– Господь сам посадил и взрастил цветочек, чтобы ободрить и порадовать тебя, милое дитяtko, да и меня тоже! – сказала счастливая мать и улыбнулась цветочку, как ангелу небесному.

Ну, а другие-то горошины? Та, что летела, куда хотела, – лови, дескать, кто может, – попала в водосточный желоб, а оттуда в голубиный зоб и лежала там, как Иона во чреве кита. Две ленивицы ушли не дальше – их тоже проглотили голуби, значит и они принесли немалую пользу. А четвертая, что собиралась залететь на солнце, упала в канаву и пролежала несколько недель в затхлой воде, пока не разбухла.

– Как я славно раздобрела! – говорила горошина. – Право, я скоро лопну, а уж большего, я думаю, не сумела достичь ни одна горошина. Я самая замечательная из всех пяти!

Канавка была с нею вполне согласна.

А у окна, выходящего на крышу, стояла девочка с сияющими глазами, румяная и здоровая; она сложила руки и благодарила бога за цветочек гороха.

– А я все-таки стою за мою горошину! – сказала канавка.

Другие сказки Андерсена